

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.024-033

М. В. Пресняков*

Обязанность граждан заботиться о своем здоровье: можно ли заставить человека быть здоровым?

Аннотация. В статье рассматривается возможный конституционный статус обязанности гражданина заботиться о своем здоровье. Данная обязанность декларируется в конституциях некоторых государств. В России она получила легальное закрепление в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Вместе с тем, как отмечается в специальной литературе, данная обязанность не подкреплена какой-либо юридической санкцией, что придает ей, скорее, морально-нравственный, а не юридический характер. В этой связи некоторые авторы предлагают предусмотреть различные меры ответственности за нарушение данной обязанности. В статье анализируются правовые следствия признания обязанности заботиться о своем здоровье применительно к различным сферам общественных отношений. В результате исследования автор приходит к выводу, что признание такой обязанности связано с социальным обобществлением жизни и здоровья человека и отчуждением их от самого индивида. Такая обязанность неразрывно сопровождает состояние несвободы и неполной правосубъектности лица. На этом основании полагаем, что ее юридическое закрепление принципиально неконституционно.

Ключевые слова: здоровье; обязанность сохранять здоровье; ответственность; социальный ресурс; военная служба; трудовая повинность; юридическая определенность; соматические права; репродуктивная функция; дискриминация.

Для цитирования: Пресняков М. В. Обязанность граждан заботиться о своем здоровье: можно ли заставить человека быть здоровым? // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 10. — С. 24–33. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.024-033.

The Duty of Citizens to Take Care of their Health: Is It Possible to Force a Person to Be Healthy?

Mikhail V. Presnyakov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Service and Labor Law, Stolypin Volga Institute of Management (RANEPA Branch)
ul. Moskovskaya, d. 164, Saratov, Russia, 410012
presnykov1972@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the possible constitutional status of a citizen's duty to take care of their health. This duty is declared in the constitutions of some States. In Russia, it has been legally enshrined in Federal Law No. 323-FZ dated 21.11.2011 «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation». At the same time, as it is noted in scholarship, this obligation is not supported by any legal sanction, which gives it a moral rather than a legal character. In this regard, some authors propose to provide for various measures of

© Пресняков М. В., 2022

* Пресняков Михаил Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС
Московская ул., д. 164, г. Саратов, Россия, 410012
presnykov1972@yandex.ru

responsibility for violation of this obligation. The article analyzes the legal consequences of the recognition of the duty to take care of one's health in relation to various spheres of public relations. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the recognition of such a duty is connected with the socialization of human life and health and their alienation from the individual. Such a duty inextricably accompanies the state of unfreedom and incomplete legal personality of a person. On this basis, we believe that its legal consolidation is fundamentally unconstitutional.

Keywords: health; duty to preserve health; responsibility; social resource; military service; labor service; legal certainty; somatic rights; reproductive function; discrimination.

Cite as: Presnyakov MV. Obyazannost grazhdan zabotitsya o svoem zdorove: mozno li zastavit cheloveka byt zdorovym? [The Duty of Citizens to Take Care of their Health: Is It Possible to Force a Person to Be Healthy?]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(10):24-33. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.024-033. (In Russ., abstract in Eng.).

Никого нельзя заставить быть богатым
или здоровым вопреки его воле.

Дж. Локк

Введение в проблему

На одном из ведущих научных мероприятий известный ученый-конституционалист В. В. Комарова обратила внимание присутствующих на то, что в конституциях некоторых государств закрепляется не только право на охрану здоровья, но и обязанность гражданина заботиться о своем здоровье. Действительно, Конституция Монголии в ст. 17 закрепляет, что охрана здоровья является обязанностью каждого гражданина. Между тем эту обязанность можно трактовать довольно широко: от воздержания от действий, способных причинить вред своему здоровью, до обязанности вести здоровый образ жизни. Кроме того, выполнение данной обязанности может быть связано с ограничением ряда общепризнанных прав, которые на сегодняшний день получили название «соматических», например права на распоряжение собственным телом.

В Конституции Российской Федерации такая обязанность не закрепляется, однако после конституционной реформы 2020 г. в ней появилась норма о том, что к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов относится

«сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью». В этой связи некоторые авторы полагают, что появление в Конституции РФ таких категорий, как «общественное здоровье», «культура ответственного отношения граждан к своему здоровью», должно привести к «переоценке роли обязанности гражданина заботиться о сохранении своего здоровья»¹. Возможность подобной «переоценки», как нам представляется, представляет собой немалую опасность для всей системы конституционных прав и свобод.

Нужно сказать, что статья 27 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» («Обязанности граждан в сфере охраны здоровья») закрепляет общую обязанность гражданина заботиться о сохранении своего здоровья. При этом в юридической доктрине справедливо отмечается, что «эта норма носит декларативный характер, поскольку никто не может заставить человека заботиться о своем здоровье, если он сам этого не хочет. Санкций

¹ Тимофеев И. В. О понятиях «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Медицинское знание и медицинская практика как предпосылка для нормативного регулирования отношений медицинской помощи // Медицинское право. 2021. № 1. С. 3–14.

за неисполнение этой обязанности нет и не может быть»². В этой связи некоторые авторы полагают, что «установление обязанности сохранения здоровья носит морально-этический характер и закрепляет существующую ответственность каждого отдельно взятого человека за свое здоровье, прежде всего перед самим собой»³. Иными словами, данная норма закрепляет преимущественно так называемую позитивную ответственность гражданина за свое здоровье.

Однако не все согласны с подобным положением дел: многие ученые видят в отсутствии санкций за неисполнение обязанности заботиться о своем здоровье лишь досадный юридический недочет, который можно и нужно исправить. «Вот если дополнить эту статью хотя бы таким положением: “6. Невыполнение гражданами своих обязанностей по охране здоровья лишает их права на получение бесплатной медицинской помощи”, то она приобрела бы законченный характер»⁴. Вот такой-то «переоценки» данной обязанности мы и опасаемся в общем тренде социально-политического вектора, направленного на «сбережение народа» и «сохранение социального капитала». В рамках данной концепции защите подлежит не субъективное право человека на жизнь и здоровье, а сама жизнь и само здоровье как социальная ценность и, если угодно, социальный ресурс.

Здоровье как социальный ресурс

Т. И. Егорова, рассуждая о проблеме формирования «социально полезных качеств личности», отмечает, что «свобода, которая в современном обществе трансформируется от социального отчуждения через самоотчуждение к

аутоагрессии, представляет собой, как видится, угрозу общественной безопасности»⁵. Здесь все перевернуто «с ног на голову»: наоборот, интересы социальной безопасности, выступая основным фактором ограничения свободы личности, представляют для нее существенную безопасность.

В любом социуме (и это закономерный исторический процесс) существует своего рода обобществление жизни и здоровья его членов и в известной степени отчуждение этих естественно-антропоморфных свойств (благ) человека от него самого. Возникает ситуация, когда ни собственное здоровье, ни даже жизнь уже не принадлежат самому их носителю или принадлежат, но не в полной мере. В этой связи если рассматривать право на жизнь или право на здоровье в виде классического триединства правомочий: владение, пользование и распоряжение, то именно последнее подвергается наиболее серьезным ограничениям со стороны государства и общества. Если заглянуть в историю, то мы увидим, что практически все государства (за редким исключением, например Япония) прошли этап закрепления самых суровых наказаний в отношении самоубийц, членовредителей и т.п. Полагаем, что это было связано не с этическим или религиозным аспектом (в Библии, например, мы не обнаружим прямых запретов на лишение себя жизни), а с задачей гораздо более прагматичной — сохранение человеческого ресурса.

И. Паперно отмечает, что еще в римском праве самоубийство наказывалось тогда, когда особый статус человека, такой как солдат или раб, давал другому или государству право на его жизнь. По ее мнению, распространение Петром Первым (а именно он ввел ответственность за самоубийство в России) этого правила свиде-

² Гришаев С. П. Комментарий Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2011.

³ Белянинова Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 18.06.2001 № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2017.

⁴ Седова Н. Н. Кому помешали этические комитеты? // Медицинское право. 2012. № 1. С. 6–10.

⁵ Егорова Т. И. Некоторые вопросы ограничения правового статуса личности в современном обществе // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 20–24.

тельство о том, что «субъект петровского государства приравнивался к солдату, право на жизнь которого принадлежало суверену»⁶.

И на сегодняшний день причинение вреда своему здоровью как преступление или правонарушение рассматривается в отношении преимущественно двух категорий субъектов с особым статусом: военнослужащих и лиц, осужденных по приговору суда. Так, например, согласно ст. 339 Уголовного кодекса РФ предусматривается ответственность за уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство). Причем тот же запрет распространяется и на потенциальных военнослужащих: согласно ст. 328 УК РФ уголовным преступлением является уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы. При этом Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что как уклонение от призыва на военную службу следует квалифицировать в том числе причинение призывником себе какого-либо повреждения (членовредительство).

Обратим внимание, что наказание назначается не за само по себе умышленное причинение вреда своему здоровью, а за лишение себя возможности исполнять обязанности военной службы, а членовредительство образует лишь одну из форм данного противоправного деяния.

Согласно п. 9 ст. 36 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» «подозреваемые и обвиняемые обязаны не совершать действий, угрожающих собственной жизни и здоровью». Уголовно-исполнительный кодекс РФ закрепляет обязанность осужденного возмещать дополнительные затраты, связанные с его лечением в случае умышленного причинения вреда своему здоровью (ч. 2 ст. 102 УИК РФ). В специальной

литературе встречается немало предложений, связанных с расширением санкций в отношении осужденного, умышленно причиняющего вред своему здоровью.

Некоторые авторы сетуют на то, что законодателем не предусмотрено отнесение членовредительства к нарушениям порядка и условий отбывания принудительных работ и предлагают рассматривать причинение умышленного вреда своему здоровью как злостное нарушение порядка и условий отбывания принудительных работ и внести соответствующее изменение в УИК РФ. Аргументируется эта позиция тем, что причинение осужденным к принудительным работам вреда своему здоровью «может препятствовать его трудовой деятельности, а также установленному законом порядку отбывания такого вида наказания»⁷. По сути, речь здесь идет о том, что такой человек не принадлежит себе и его собственное здоровье представляет собой необходимое условие или средство исполнения им обязанности трудиться.

С. Х. Шамсунов и Е. В. Ильинцев полагают, что «акт аутоагрессии следует признать нарушением правила внутреннего распорядка исправительного учреждения (следственного изолятора), а повторный эпизод членовредительства, соответственно, злостным нарушением»⁸. Причем названные авторы под аутоагрессией понимают не членовредительство в чистом виде, а, по всей видимости, и отсутствие заботы о своем здоровье, наличие вредных привычек и т.п. При этом в качестве аргумента приводится положение ст. 27 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ: «Если в “гражданском здравоохранении” декларированная норма закона фактически не подкреплена административными актами, то в УИС имеется возможность обязать лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, заботиться о состоянии своего здоровья»⁹. По сути, это означает, что лица, содержащиеся в пенитенциар-

⁶ Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 72.

⁷ Буданова Л. Ю., Смирнова И. Н., Асадов В. В. Некоторые аспекты организационно-правового обеспечения исполнения наказания в виде принудительных работ // Российский следователь. 2021. № 9. С. 38–41.

⁸ Шамсунов С. Х., Ильинцев Е. В. К вопросу формирования здорового образа жизни в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 1. С. 19–21.

⁹ Шамсунов С. Х., Ильинцев Е. В. Указ. соч.

ном учреждении, рассматриваются как объект административного воздействия, а сама возможность заставить их заботиться о своем здоровье выступает в качестве достаточного основания.

Проблема юридической определенности обязанности заботиться о своем здоровье

Нужно сказать, что, помимо общей формулы в ст. 27 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ, законодатель закрепляет различные варианты данной обязанности в отношении отдельных категорий лиц. В частности, в п. 3 ч. 1 ст. 43 Федерального закона от 25.11.2013 № 317-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляется обязанность обучающихся заботиться о сохранении и об укреплении своего здоровья, стремиться к нравственному, духовному и физическому развитию и самосовершенствованию. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» предусматривает, что военнослужащие обязаны знать и соблюдать требования безопасности военной службы, заботиться о сохранении своего здоровья, в том числе проходить медицинские осмотры, диспансеризацию, медико-психологическую реабилитацию, химико-токсикологические исследования наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов. В Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁰ закрепляется обязанность военнослужащего заботиться о сохранении своего здоровья, повседневно заниматься закаливанием, физической подготовкой и спортом, воздерживаться от вредных привычек (курения, употребления алкоголя), не допускать употребления наркотических средств и психотропных веществ. Как мы видим, речь уже идет о вполне конкретных действиях, которые вменяются военнослужащему в обязанности по сохранению своего здоровья: закаливание, отказ от вредных привычек и т.п.

Тем не менее перечень конкретных мер по сохранению и укреплению здоровья вызывает ряд вопросов. С. Н. Шишков и С. В. Полубинская отмечают «медицинскую неопределенность» относительно требований, выполнение которых однозначно способствует сохранению здоровья: «Официально утвержденного свода правил, коих следует придерживаться, чтобы оставаться здоровым и жить долго, не существует. В результате взгляды граждан на здоровый образ жизни могут существенно расходиться»¹¹. И действительно, и закаливание, и лечебное голодание, и бег по утрам — все это не бесспорные меры по сохранению здоровья.

Эта медицинская или фактическая неопределенность рассматриваемой обязанности влечет и содержательно-юридическую неопределенность: какие именно правила должны соблюдаться гражданином с целью сохранения здоровья?

Например, серьезные вопросы могут возникать в отношении отдельных (экстремальных) видов спорта. Известнейший российский путешественник Федор Конюхов совершил пять кругосветных плаваний, 17 раз пересек Атлантику, причем один раз на весельной лодке, побывал в одиночку на Южном и Северном полюсах и т.п. Несомненно, что все эти достижения были связаны с риском для жизни и здоровья, а следовательно, господин Конюхов может рассматриваться как злостный нарушитель обязанности заботиться о сохранении своего здоровья! По всей видимости, именно таких, как он, Ю. В. Белянинова предлагает лишать права на получение бесплатной медицинской помощи!

Авторы процитированной выше работы С. Н. Шишкова и С. В. Полубинская совершенно справедливо обращают внимание на то, что «обязанность беречь здоровье неминуемо вступает в противоречие с другими правами и обязанностями гражданина, поскольку с риском для здоровья сопряжены отдельные виды вполне законопослушного и общественно полезного

¹⁰ Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

¹¹ Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. 2020. № 10. С. 84.

поведения»¹². Как, например, быть с вредными и опасными условиями труда, которые сопряжены с выполнением отдельных видов работ? Все шахтеры злонамеренно нарушают обязанность заботиться о сохранении своего здоровья? Это не говоря уже о военнослужащих, которые рискуют не только своим здоровьем, но и жизнью при выполнении военных операций.

Проблема пределов государственного вмешательства

Но если не гиперболизировать данную проблему, придираясь к формально-юридическому аспекту закрепления данной обязанности, то, конечно, можно назвать те виды деструктивного поведения, которые непосредственно и однозначно причиняют вред здоровью человека. Например, употребление наркотиков, алкоголя, курение и т.п. Однако насколько далеко законодатель может зайти в спасении здоровья человека от него же самого?

Например, сейчас в большинстве цивилизованных государств наркотические и психотропные вещества находятся под запретом, но можно ли распространить аналогичные правила на сигареты и алкоголь? Определенные шаги в этом направлении уже продемонстрированы в действующем законодательстве: например, запрет продажи алкоголя после определенного времени или в определенные дни, запрет курения практически везде, кроме собственной квартиры, и т.п. А что дальше: ограничение потребления соли и сахара, жирного и мучного? Как нам представляется, государство не вправе вмешиваться в пищевые привычки и пристрастия человека с целью защитить его от него же самого!

С другой стороны, весьма авторитетный ученый, специалист по уголовному праву Я. И. Ги-

линский, исходя из того, что употребление наркотиков — «это личное дело каждого (так же как потребление вредных для здоровья табака, алкоголя и т.п.)», приходит к выводу, что «рано или поздно мир придет к необходимости легализации всех наркотических средств»¹³. По нашему мнению, здесь не следует путать легализацию наркотиков и отсутствие ответственности за их употребление. В России потребление наркотиков без назначения врача было официально декриминализовано в 1991 г. Причем первоначально была устранена не только уголовная, но и административная ответственность за употребление наркотиков¹⁴.

В юридической доктрине нет единства мнений относительно допустимости закрепления уголовной и административной ответственности за употребление наркотиков без назначения врача. Однако в КоАП РФ в 2001 г. данное положение появилось вновь: статья 6.9 предусматривает административную ответственность за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача. Высказываются мнения и за криминализацию подобного деяния. Так, Б. Ф. Калачев и А. Н. Сергеев полагают, что в результате отмены ответственности за употребление наркотиков «сложилась весьма двусмысленная ситуация. Потребителя, который имел при себе наркотики в небольших размерах, привлекали к административной ответственности, а при наличии большого веса — к уголовной ответственности. Однако если этого же субъекта задерживали в состоянии наркотического опьянения, то есть после приема того или иного размера наркопрепарата, он какой-либо ответственности не подлежал»¹⁵. Мы не видим здесь никакого противоречия: употребление наркотических веществ само по себе сопряжено с причинением вреда

¹² Шишков С. Н., Полубинская С. В. Указ. соч.

¹³ Гилинский Я. И. Наркотизм: социальные и криминальные проблемы // Наркотизм. Наркомания. Наркополитика : сборник статей / под ред. А. Г. Софронова. СПб., 2006. С. 28.

¹⁴ Закон РСФСР от 05.12.1991 № 1982-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1867.

¹⁵ Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / под ред. А. Н. Сергеева. М., 2000. С. 86.

своему собственному здоровью, а поэтому не влечет социально опасных последствий.

Конечно, можно возразить, что человек, пребывающий в состоянии алкогольного опьянения или абстинентного синдрома, представляет опасность для окружающих, но эта опасность носит потенциальный характер, поэтому нельзя наказывать его за еще не совершенное социально опасное деяние. Между тем Б. В. Грызлов, например, прямо аргументирует необходимость криминализации употребления наркотиков потенциальной опасностью наркомана: «Стремясь добыть деньги на дозу, наркоман готов пойти на всё, вплоть до убийства. Так почему мы должны ждать, когда наркоман совершит преступление? Или все-таки стоит изолировать его, пока он не наломал дров? Мне кажется, что так будет гуманнее и для него, и для окружающих»¹⁶. Вот так: не нужно ждать пока наркоман совершит правонарушение, лучше посадить его заранее! И это говорит человек, занимавший должность председателя Государственной Думы!

Тем не менее автору данной статьи, конечно же, тоже хочется жить в безопасной социальной среде, не боясь ни за свою жизнь, ни за здоровье близких. И лица, употребляющие наркотические вещества, несомненно, угрожают безопасности этой социальной среды. Однако, на наш взгляд, с целью противодействия этой опасности должен исключаться и наказываться оборот, а не употребление наркотиков!

Представляется, что, вводя состав административной ответственности, предусмотренный статьей 6.9 КоАП РФ, законодатель продемонстрировал полное непонимание этого вопроса: ответственность нужно предусматривать за оборот, в данном случае приобретение, наркотических средств, а не за их употребление.

Соматические права и их ограничение с целью охраны здоровья

Закрепление обязанности сохранения собственного здоровья вступает в определенное противоречие с некоторыми личными правами и свободами, в частности с так называемыми соматическими правами, которые вытекают из права распоряжаться собственным телом. Некоторые авторы в этой связи отмечают, что самостоятельный выбор разрушительных форм поведения, включая потребление алкоголя и табака, самокалечение и др., представляет собой не реализацию соматических прав, а злоупотребление ими¹⁷.

На наш взгляд, некоторые из таких прав действительно не носят характер социальной ценности и в этом смысле являются не правом, а скорее правовым рефлексом — непротивозаконными вариантами поведения, которые вытекают из фундаментального принципа личной свободы. Однако насколько допустимо ограничение таких правопритязаний?

Безусловно, соматические права, как и любые иные виды основных прав, могут быть ограничены в конституционно значимых целях. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает, что основные права могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, как мы видим, здоровье прямо называется в качестве социально значимого блага, ради которого отдельные конституционные права могут быть ограничены.

Ну и конечно, первое, что приходит в голову, — это обязательное лечение заразных или особо значимых заболеваний. Все мы столкнулись с данной проблемой в связи с эпидемией COVID-19, прокатившейся по всему миру. И те меры, которые были приняты в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции, в

¹⁶ Грызлов Б. Наркоторговцев нужно ссылать на каторгу // Независимая газета. 07.06.2011.

¹⁷ Салагай О. О., Сошкина К. В. Концепция личной ответственности за сохранение здоровья: правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 94–104.

целом вполне оправданны с точки зрения конституционно значимой цели (можно спорить лишь о соразмерности этих мер).

Тем не менее буквальная формулировка ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, перечисляющая конституционно значимые цели, которые могут оправдывать ограничение конституционных прав, несколько настораживает. С одной стороны, подобная конституционная формула может рассматриваться как основание для ограничения основных прав с целью защиты «здоровья других лиц», что представляется совершенно оправданным, поскольку «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Основного закона). С другой — речь может идти о здоровье как таковом, т.е. вне связи со словами «других лиц», и в этом случае принципиально допустимым будет ограничение прав человека с целью сохранения его собственного здоровья!

Примеры подобного рода ограничений можно найти в действующем законодательстве: так, например, закреплён перечень видов работ, на которых ограничивается использование труда женщин¹⁸. Подобные запреты-ограничения существуют с советских времен и объясняются «особенностями женского организма»¹⁹. Статья 3 Трудового кодекса РФ, содержащая запрет дискриминации в сфере труда, прямо закрепляет, что не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и

правовой защите. Возможно, подобный подход и не является дискриминацией по гендерному признаку, но уж наверняка представляет собой ограничение конституционного принципа свободы труда и вытекающего из него права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37 Основного закона).

Данное ограничение неоднократно оспаривалось на самых высоких уровнях судебной системы Российской Федерации: например, Светлана Медведева оспаривала отказ в трудоустройстве ее в качестве капитана речного пассажирского судна, Анна Клевец обжаловала отказ в зачислении на курсы по обучению на помощника машиниста поезда метрополитена и т.п. В последнем случае дело дошло до Конституционного Суда РФ, который отказал в принятии жалобы к рассмотрению, но объяснил наличие указанного ограничения «учетом общепризнанной социальной роли женщины в продолжении рода, что обязывает государство устанавливать дополнительные гарантии для женщин, в том числе в сфере трудовых отношений, направленные на охрану материнства»²⁰. Иными словами, защите здесь подлежит репродуктивная функция женщины как общезначимая социальная ценность, обязанность перед обществом по продолжению рода. Характерно, что законодатель в Основах законодательства Российской Федерации об охране труда 1993 г. попытался ограничить указанный запрет только женщинами детородного возраста. Видимо, здоровье иных женщин уже не представляет репродуктивной ценности. И вновь в таком регулировании явно

¹⁸ Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин».

¹⁹ Решение Верховного Суда РФ от 02.03.2009 № ГКПИ09-36 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим в части п. 374 разд. XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, утв. постановлением Правительства РФ от 25.02.2000 № 162» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 617-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевец Анны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // СПС «КонсультантПлюс».

прослеживается восприятие человека не как полноценной личности, а в качестве социальной функции, социально обязанного субъекта.

Интересно, что подобные ограничения установлены и в отношении несовершеннолетних: постановлением Правительства РФ от 25.02.2000 № 163 закреплён Перечень тяжёлых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет. Однако почему это ограничение не вызывает никакого неприятия с точки зрения своей правомерности и оправданности? Дело в том, что несовершеннолетние хотя и обладают полным объёмом прав, гарантированных Конституцией РФ, но в силу своего возраста не всегда могут самостоятельно осуществлять эти права, т.е. не обладают полной дееспособностью. Поэтому они не могут в полной мере распоряжаться в том числе и своим здоровьем.

В этой связи весьма показательны рассуждения известного русского, а затем и советского правоведа Всеволода Николаевича Дурденевского, который рассматривает понятие так называемого сокращённого субъекта. К таким «не вполне субъектам» он относил, например, римского раба, ребенка (*infans*), душевнобольных, эмбрион и даже животных. «В ребенке (не говоря о зародыше) личность, так сказать, еще не изваяна; в безумце она искажена; в рабе она бесспорно имеется для нас, но также бесспорно исчезла для древних». Такой сокращённый субъект, или «полусубъект», может пользоваться лишь рефлексом права, поскольку сам в полном смысле субъектом права не является, однако «юридический рефлекс является или намеренным исключением, или пережитком; прилагаясь

к действительному субъекту, он воспринимается последним как субъективное право и стремится стать таковым»²¹. Интересно, кстати, что Дурденевский подчеркивал, что это не дефектность субъекта самого по себе, а мнение общества о его способности выступать в качестве самостоятельной личности и в большой степени — коллективное заблуждение, которое снимается объективными социальными процессами — отменой рабства, эмансипацией женщин и т.п.

По этой причине ограничение распоряжения собой, своим телом и здоровьем вполне оправданно в отношении детей, несовершеннолетних, но абсолютно неприемлемо в отношении взрослого и дееспособного человека.

Общий вывод

Подводя некоторый итог нашему краткому анализу необходимости заботиться о своем здоровье в качестве юридической обязанности, нельзя не отметить, что закрепление данной обязанности генетически связано с состоянием несвободы лица. Данная обязанность не является самоцелью, а обеспечивает возможность исполнения несвободным лицом иных государственных или общественных обязанностей: военная служба, трудовая повинность, репродуктивная функция и т.п. Человек же здесь рассматривается не как цель, а как средство достижения определенных социальных целей, исключительно как «полезный член общества». Закрепление подобной обязанности в отношении всех граждан государства аконституционно и свидетельствует об «инструментальном» восприятии человека как своего рода социального орудия труда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Белянинова Ю. В.* Комментарий к Федеральному закону от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (постатейный) // СПС «Консультант-Плюс». — 2017.
2. *Буданова Л. Ю., Смирнова И. Н., Асадов В. В.* Некоторые аспекты организационно-правового обеспечения исполнения наказания в виде принудительных работ // Российский следователь. — 2021. — № 9.

²¹ *Дурденевский В. Н.* Субъективное право и основное его разделение // Правоведение. 1994. № 3.

3. Гилинский Я. И. Наркотизм: социальные и криминальные проблемы // Наркотизм. Наркомания. Наркополитика : сборник статей / под ред. А. Г. Софронова. — СПб., 2006.
4. Гришаев С. П. Комментарий Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». — 2011.
5. Грызов Б. Наркоторговцев нужно ссылать на каторгу // Независимая газета. — 07.06.2011.
6. Дурденевский В. Н. Субъективное право и основное его разделение // Правоведение. — 1994. — № 3.
7. Егорова Т. И. Некоторые вопросы ограничения правового статуса личности в современном обществе // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 9.
8. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. — М. : Новое литературное обозрение, 1999.
9. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / под ред. А. Н. Сергеева. — М., 2000.
10. Салагай О. О., Сошкина К. В. Концепция личной ответственности за сохранение здоровья: правовой аспект // Журнал российского права. — 2020. — № 8.
11. Седова Н. Н. Кому помешали этические комитеты? // Медицинское право. — 2012. — № 1.
12. Тимофеев И. В. О понятиях «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Медицинское знание и медицинская практика как предпосылка для нормативного регулирования отношений медицинской помощи // Медицинское право. — 2021. — № 1.
13. Шамсунов С. Х., Ильинцев Е. В. К вопросу формирования здорового образа жизни в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2020. — № 1. — С. 19–21.
14. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. — 2020. — № 10.

Материал поступил в редакцию 1 сентября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belyaninova Yu. V. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 18 iyunya 2001 g. № 77-FZ «O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossiyskoy Federatsii» (postateyny) // SPS «KonsultantPlyus». — 2017.
2. Budanova L. Yu., Smirnova I. N., Asadov V. V. Nekotorye aspekty organizatsionno-pravovogo obespecheniya ispolneniya nakazaniya v vide prinuditelnykh rabot // Rossiyskiy sledovatel. — 2021. — № 9.
3. Gilinskiy Ya. I. Narkotizm: sotsialnye i kriminalnye problemy // Narkotizm. Narkomaniya. Narkopolitika: sbornik statey / pod red. A. G. Sofronova. — SPb., 2006.
4. Grishaev S. P. Kommentariy Zakona ob osnovakh okhrany zdorovya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii // SPS «KonsultantPlyus». — 2011.
5. Gryzlov B. Narkotorgovtsev nuzhno ssylat na katorgu // Nezavisimaya gazeta. — 07.06.2011.
6. Durdenevskiy V. N. Subektivnoe pravo i osnovnoe ego razdelenie // Pravovedenie. — 1994. — № 3.
7. Egorova T. I. Nekotorye voprosy ogranicheniya pravovogo statusa lichnosti v sovremennom obshchestve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 9.
8. Paperno I. Samoubiystvo kak kulturnyy institut. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999.
9. Protivodeystvie nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv: uchebnoe posobie / pod red. A. N. Sergeeva. — M., 2000.
10. Salagay O. O., Soshkina K. V. Kontseptsiya lichnoy otvetstvennosti za sokhranenie zdorovya: pravovoy aspekt // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2020. — № 8.
11. Sedova N. N. Komu pomeshali eticheskie komitety? // Meditsinskoe pravo. — 2012. — № 1.
12. Timofeev I. V. O ponyatiyakh «meditsinskaya pomoshch» i «meditsinskaya usluga». Meditsinskoe znanie i meditsinskaya praktika kak predposylka dlya normativnogo regulirovaniya otnosheniy meditsinskoy pomoshchi // Meditsinskoe pravo. — 2021. — № 1.
13. Shamsunov S. Kh., Ilintsev E. V. K voprosu formirovaniya zdorovogo obraza zhizni v mestakh lisheniya svobody // Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. — 2020. — № 1. — S. 19–21.
14. Shishkov S. N., Polubinskaya S. V. Zabota o sokhranении svoego zdorovya kak yuridicheskaya obyazannost // Gosudarstvo i pravo. — 2020. — № 10.